

В. Г. Белинский

**Гамлет. Трагедия В. Шекспира,
перевод А. Кронеберга...**

Виссарион Григорьевич Белинский Гамлет. Трагедия В. Шекспира, перевод А. Кронеберга...

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2898495*

Аннотация

С переводчиком Шекспира А. И. Кронебергом Белинского связывали дружеские отношения с конца 1830-х гг. В данной и в другой, более поздней рецензии, опубликованной в августе в «Литературной газете», Белинский входит в журнальную полемику, развернувшуюся вокруг перевода «Гамлета». Наиболее сильные ответные удары наносятся при этом по О. И. Сенковскому, автору рецензии на «Гамлета» в переводе Кронеберга в «Библиотеке для чтения», и по Н. А. Полевому, чей перевод «Гамлета» Белинский теперь подвергает жестокой критике.

Содержание

Примечания	4
Гамлет. Трагедия В. Шекспира, перевод А. Кронеберга...	6
Комментарии	

Виссарион Григорьевич Белинский Гамлет. Трагедия В. Шекспира, перевод А. Кронеберга...

Примечания

Гамлет. Трагедия В. Шекспира, перевод А. Кронеберга... (с. 459–464). Впервые – «Отечественные записки», 1844, т. XXXIII, № 4, отд. VI «Библиографическая хроника», с. 41–45 (ц. р. 31 марта; вып. в свет 1 апреля). Без подписи. Вошло в КСсБ, ч. IX, с. 112–120.

С переводчиком Шекспира А. И. Кронебергом Белинского связывали дружеские отношения с конца 1830-х гг. В данной и в другой, более поздней рецензии, опубликованной в августе в «Литературной газете» (см. ее в наст. т., с. 488–493), Белинский входит в журнальную полемику, развернувшуюся вокруг перевода «Гамлета». Наиболее сильные ответные удары наносятся при этом по О. И. Сенковскому, автору рецензии на «Гамлета» в переводе Кронеберга в «Библиоте-

ке для чтения», и по Н. А. Полевому, чей перевод «Гамлета» Белинский теперь подвергает жестокой критике.

Тематически эта рецензия тесно связана со статьей «Русская литература в 1843 году», развивая тезис о застое («запустении») в текущей русской литературе и вместе с тем о развитии в ней нового направления, новых требований к литературному творчеству.

Гамлет. Трагедия В. Шекспира, перевод А. Кронеберга...

ГАМЛЕТ. Трагедия В. Шекспира, перевод А. Кронеберга. Харьков. В университетской тип. 1844. В 8-ю д. л. 220 стр.

Что современная русская литература находится в состоянии запустения, — в этом теперь согласны почти все литературные партии, во всем другом несогласные между собою. Естественно, каждая из них силится объяснить причину такого странного явления. Эти объяснения часто бывают восхитительны своею наивностью, и если смотреть на дело со стороны, то можно забавляться им, как игрою в жмурки: изъяснитель с завязанными глазами и распростертыми вперед руками бегаёт взад и вперед, бросается из стороны в сторону, ловя ускользающие от него искомые причины, а зрители хохочут... Смешно и забавно! Одни говорят, что литература потому в упадке, что нет книжной торговли; но им сейчас возражают, что книжной торговли потому нет, что литература в упадке, ибо весьма естественно, что торговля не может существовать, когда ей нечего продавать. Следовательно, в этом объяснении остается несомненным только факт, что литература в упадке, а причины этого факта все-таки нет. На беду объяснителей этого рода, сама действительность

взялась решить вопрос: книгопродавцы явились, – даже, по некоторым, воздвиглись новые деятели, оживители литературы, с самоотвержением решившиеся вновь издавать старый хлам ее;^[1] другие книгопродавцы покупают рукописи, платят авторам посильную плату, издают книги, – а литература по-прежнему мертва, и книжная торговля в застое. В этом принуждены были сознаться сами объяснители. Другие говорят: литература оттого в упадке, что наши писатели ленивы, мало пишут, ничего не делают и т. п. Но факты доказывают, что теперь литераторы пишут по крайней мере не меньше, если еще не больше того, как писывали они в старину и во все хваленые времена русской литературы. Сколько является «драматических представлений»;^[2] новым водевилям нет счета; повестей не оберешься; иллюстрированных историй, оригинальных и переводных, вдоволь; нравоописательных и юмористических книжек и тетрадок с картинками просто некуда девать. Нет, все не то! Третьи говорят: неуважение к талантам – вот причина упадка литературы! Прекрасно! но где же это неуважение, если все, что является в литературе отличного или порядочного, жадно читается публикою в журналах, скоро раскупается в отдельных книгах? «Мертвые души», напечатанные в числе *трех тысяч* экземпляров, давно уже распроданы до последнего экземпляра; «Сочинения Николая Гоголя» в четырех частях почти совсем разошлись в какой-нибудь год времени, несмотря на то, что из них около трех частей составлено из старых, давно уже

известных публике статей; сочинения Лермонтова то и дело издаются; повести графа Соллогуба, давно прочитанные в периодических изданиях, хорошо распродавались и хорошо распродаются, изданные отдельно. А между тем эти три писателя, особенно два первые, подвергались, подвергаются и, вероятно, еще долго будут подвергаться «неуважению» со стороны разных аристархов. В целой книге нельзя пересказать всех браней, которые напечатаны на сочинения Гоголя; о Лермонтове теперь пишут, что так как он уже умер и от него никаких барышей ожидать нельзя, то *уже* смешно его хвалить, а надо его бранить^[3] и, на первый случай, заметить, например, что в его «Герое нашего времени» нет знания жизни, света, людей, человеческого сердца и что всего этого следует искать в «Девах чудных»^[4] и разных «драматических представлениях». Правда, «неуважение» вредит многим талантам; но если оно, даже доведенное до ожесточения, не могло повредить некоторым, – явный знак, что дело не в «уважении», не в «неуважении», а в достоинстве сочинений, в силе таланта, который сам собою заставляет уважать себя. Некоторые сочинители для лучшего хода своих сочинений издают журналы и газеты, в которых их сочинения весьма «уважаются», но, увы! все это теперь уже нисколько не помогает горю^[5]. Наконец, нам недавно случилось читать где-то мнение, что русская литература упала не от чего другого, как от журнальной полемики!..^[6] Это мнение не ново: оно повторялось очень часто в доброе старое время и брошено

за негодностью. Кому-то вздумалось возобновить его. Очевидно, что возобновитель сродни падшим от полемики сочинениям: иначе он так горячо не напал бы на эту мнимую причину посполитого рушения^[7] русской литературы. А пре-курьезное мнение! Ради самой юродивости его, нельзя пропустить его без внимания. Poleмика составляет душу иностранных литератур; в сравнении с нашею иностранная полемика – то же, что океан в сравнении с ручейком. Отчего же иностранные литературы не погибли от полемики? Возобновитель курьезного мнения говорит, между прочим, что журнальные брани лишили русскую литературу всякого доверия у публики, которая будто бы поверила всем воюющим сторонам в том, что они говорят одна о другой, и – перестала читать по-русски... Именно так! Но кто же читает русские журналы, из которых одни «Отечественные записки» имеют более трех тысяч подписчиков? – неужели иностранцы? А ведь что было писано против «Отечественных записок», как бранили их разные журналы и разные сочинители?... Кто раскупил «Мертвые души», наповал разруганные половиною наших журналов, как произведение пошлое и бездарное?..^[8] Да и когда полемика была тише, если не в настоящее время? Глазам не веришь, читая брани, которые некогда печатались на Пушкина, а между тем Пушкина все читали!.. Нет, скорее одною из причин запустения русской литературы можно почесть то, что у нас еще и теперь не стыдятся показываться в печати мнения, подобные тому, что какая-нибудь литерату-

ра может пасть от полемики...

Много есть разных причин упадка нашей литературы в настоящее время. В первой книжке «Отечественных записок» 1844 года мы, в отделе «Критики», изложили некоторые из этих причин^[9]. Главнейшие из них, – во-первых, преждевременная смерть Пушкина и Лермонтова. Первый сделал очень много, но еще больше обещал сделать, судя по его посмертным сочинениям. Второй только что начал было обнаруживать всю огромность своего таланта. Гоголь редко является в печати. Несколько талантов, более или менее ярких, не могут сделать незаметным недостаток в людях гениальных, а гениальных людей не могут создать ни «уважение», ни процветание книжной торговли: их творит природа. Во-вторых, теперь русская литература вышла на такую дорогу и приняла такое направление, что многие люди, недавно считавшиеся великими талантами, невольно обратились в людей с посредственными дарованиями; многое из того, что прежде восхищало публику, теперь наводит на нее зевоту, а некоторые *ci-devant*¹ любимцы публики, воспользовавшиеся под шумок ее неопытностью, теперь тщетно напоминают ей о себе разными новыми трудами своими и восторженными «уважениями» этих трудов: в первых публика видит старые погудки на новый лад, во вторых – уж слишком неловкую и грубую проделку...^[10]

Между причинами упадка современной литературы есть

¹ в прошлом (*фр.*). – *Ред.*

и такие, которые так очевидны и понятны, что нечего распространяться о них; кто же не в состоянии сам проникнуть в них, тому толковать – все равно, что с глухим говорить шепотом. Но одна, также из главных причин, состоит сколько в незрелости нашей литературы, столько и в разнохарактерности читателей, составляющих нашу публику. Мы достигли уже до того, что у нас не может не иметь хода роман, повесть, комедия, означенные печатью истинного и самобытного таланта, особенно если содержание романа, повести или комедии касается нашей русской действительности. Но только этим и ограничивается наш успех. Он велик – это правда; но одного его еще мало. Искусство, в общем значении этого слова, еще далеко не вошло в потребность нашей публики; дельные сочинения даже по части истории – науки, которая в Европе преобладает над всеми другими, – дельные сочинения теоретические не составляют еще потребности публики. . . Но обратимся собственно к искусству. У нас, по-видимому, любят Шекспира. Некоторые драмы его имели огромный успех на сцене, а потому расходились счастливо и книгами. Но в этом-то успехе и видна вся детскость эстетического образования нашей публики. Больше всех других драм Шекспира имел успеха на сцене «Гамлет», поставленный на театр и напечатанный в 1837 году г. Полевым. До этого времени о существовании «Гамлета» большинство нашей публики как будто и не подозревало. А между тем еще в 1828 году был издан русский перевод этой драмы г. Врон-

ченко – необыкновенно даровитым переводчиком. В переводе «Гамлета» г-на Вронченко, конечно, есть свои недостатки, потому что совершенного ничего не бывает в делах человеческих, и совершенные переводы гораздо менее возможны, чем совершенные оригинальные произведения; но в то же время перевод «Гамлета» г. Вронченко отличается достоинствами великими: в нем веет дух Шекспира и передается верно глубокий смысл создания, а не буква. И что же? – самые достоинства перевода г. Вронченко были причиной малого успеха «Гамлета» на русском языке! Такое колоссальное создание, переданное верно, было явно не под силу нашей публике, воспитанной на трагедиях Озерова и едва возвысившейся до «Разбойников» Шиллера. Г-н Полевой переделал «Гамлета». Он сократил его, выкинул многие существеннейшие места, исказил характеры и из драмы Шекспира сделал решительную мелодраму, как Дюси сделал из нее классическую трагедию. Но все это сделано г. Полевым без всяких особенных соображений, единственно потому, что он понял Шекспира, как понимает его, например, Дюма и другие поборники подновленного романтизма, именно – как романтическую мелодраму. И это было причиной невероятного успеха «Гамлета» на сцене и в печати: «Гамлет» был сведен с шекспировского пьедестала и придвинут, так сказать, к близорукому понятию толпы; вместо огромного монумента ей показали фарфоровую статуэтку – и она пришла в восторг^[11]. Так же точно держится на сцене чей-то преп-

лохой перевод «Лира», именно потому, что в нем оставлены только эффектные места, а все величественное течение внутренней драмы, основанной на глубокой идее и борьбе характеров, раздроблено на мелкие, врозь текущие, не связанные между собою ручейки^[12]. После «Гамлета» г. Полевого, г. Вронченко издал свой перевод «Макбета», который имел еще менее успеха, чем «Гамлет»: суровое величие и строгая простота этого творения, переданные переводчиком со всею добросовестностию, без всякого угодничества вкусу большинства, без всяких вылощенных прикрас, были сочтены толпою за шероховатость и прозаичность перевода^[13]. И теперь перевести вновь «Гамлета» или «Макбета» значит только втуне потерять время: всякий скажет вам, что он уже читал ту и другую драму. Черта замечательная! Она показывает, что все гоняются за *сюжетом* драмы, не заботясь о художественности его развития. В Англии целая толпа комментаторов трудилась над объяснением каждого сколько-нибудь неясного выражения или слова в Шекспире, – и эти комментаторы всеми читались и приобрели себе известность. Во Франции, и особенно в Германии, сделано по нескольку переводов всех сочинений Шекспира, – и новый перевод там не убивал старого, но все они читались для сравнения, чтоб лучше *изучить* Шекспира. У нас этого не может быть, ибо у нас только немногие избранные возвысились до созерцания искусства как творчества, до чувства формы; толпа ищет в литературном произведении только сюжета. Узнав сюжет,

она думает, что уже знает сочинение, и потому новый перевод уже раз переведенного сочинения ей кажется совершенно излишним. После этого трудитесь, переводите, оживляйте литературу своею деятельностью!..

Вот почему мы невольно пожалели о труде г. Кронеберга. Перевод его положительно хорош и как бы дополняет собою перевод г. Вронченко, показывая «Гамлета» в новых оттенках; но кто оценит этот труд, кто будет за него благодарен, кто захочет узнать его?.. Дай бог, чтоб слова наши не сбылись на деле: мы первые охотно сознаемся в ошибке; но... Г-н Кронеберг владеет богатыми средствами для того, чтоб с успехом переводить Шекспира: он от отца своего²^[24] наследовал любовь к этому поэту, изучал его под руководством отца своего, посвятившего изучению Шекспира всю жизнь свою и написавшего о нем несколько сочинений европейского достоинства; он прекрасно знает английский язык (зная при том отлично языки немецкий и французский) и хорошо владеет русским стихом. При таких средствах, будь у нас потребность узнать Шекспира как великого поэта, а не как романтического мелодраматиста, сценического эффектора, – г. Кронеберг, может быть, обогатил бы русскую литературу замечательно хорошим переводом всего Шекспира, и притом

² Покойного И. Я. Кронеберга, которого статью «О ходе искусства у древних народов» мы предлагаем в этой же книжке нашего журнала ^[24].

^[24] Статья харьковского профессора И. Я. Кронеберга «О ходе искусства у древних народов и об истреблении и сохранении памятников древнего искусства» – в кн. 4 «Отечественных записок» за 1844 г.

мы имели бы, может быть, Шекспира в переводе гг. Вронченко, Росковшенко^[14], и, вероятно, нашлись бы и другие деятели. Но до таких серьезных потребностей не доросла еще наша публика, а потому и для литературы нашей еще не настало время таких важных трудов.

Отрывок из переведенного г. Кронебергом «Гамлета» был напечатан в одном альманахе и был разбранен в одной газете;^[15] целый перевод еще больше будет разбранен. Но такое «неуважение» ничего не значит: причина его заключается, во-первых, в том, что в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»» 1839 года (т. II, стр. 189–196) была напечатана статья покойного профессора И. Я. Кронеберга, и в этой статье разобран не совсем «уважительно» перевод «Гамлета» г. Полевого; во-вторых, в «Литературной газете» 1840 года (№№ 49 и 50) была напечатана статья А. И. Кронеберга (переводчика «Гамлета» и «Двенадцатой ночи» Шекспира) – «Гамлет, исправленный г-ном Полевым». После этих «уважительных» причин не все критики на новый перевод «Гамлета» должны казаться «уважительными». Для людей, которые в литературе видят не забаву в праздное время, а занятие дельное, «Гамлет» в переводе г. Кронеберга должен быть замечательным литературным приобретением. Жаль, что только от таких, слишком немногочисленных судей переводчик должен ожидать награды за свой бескорыстный, добросовестный и прекрасно выполненный труд!..

ГАМЛЕТ. Трагедия В. Шекспира. Перевод

Есть на свете люди, которые утверждают, что переводить что бы то ни было, с какого бы то ни было языка – труд совершенно потерянный, не приносящий пользы ни литературе, ни обществу, и что обычай переводить способствует только тому, чтоб, не ломая себе головы, пускать в продажу готовые чужие мысли. По мнению этих людей, только два способа передачи книг с одного языка на другой, бывшие в употреблении у древних, могут быть терпимы. *Первый способ*: переводы подстрочные, в которых язык, употребленный для толкования, совершенно приносится в жертву буквальности, так что *в переводной фразе часто не бывает и смысла: ее нельзя понять без подлинника.* (Хорош перевод, которого нельзя понять без подлинника! Кому же он нужен?) *Второй способ*: усваивать себе чужой вымысел, чужой ум, чужие идеи посредством *парафразы*: овладевать мыслями подлинника и рассказывать их по-своему, пропуская, что не нравится, и прибавляя, что взбредет в голову, – короче, поступать так, как поступали поэты древней Италии, которые «с большим наслаждением *крали* у греческих образцовых поэтов мотивы музыки и мысли», и как поступают новейшие наши поэты, переделывающие чужие романы и комедии в фантастические рассказы и разного рода драматические представления, – те самые поэты, о которых в старину певалось, хоть и

не очень красно, да метко, таким образом:

А как сметливый писака —
Не хватило своего, —
То потреплет у Бальзака,
То у Виктора Гюго,
Жюль Жанену тут же место,
И потом без дальних дум
В фантастическое тесто
Запечет французский ум...^[16]

Никаких других переводов вышереченные люди не допускают, основываясь на том, что доньше нет будто бы ни одного перевода, который можно было бы читать по прочтении подлинника^[17]. Все это очень глубокомысленно и остроумно; жаль только, что эти люди забыли, что переводы преимущественно назначаются для не читавших и не имеющих возможности читать подлинника, а главное, что на переводах произведения литературы одного народа на язык другого основывается знакомство народов между собою, взаимное распространение идей, а отсюда самое процветание литератур и умственное движение; забыли, что если б мы доньше держались методы выдавания произведений иноземных литератур и за свои, в искаженном виде, то не только не имели бы понятия, например, об английской и французской литературе, а следовательно, и об Англии и Франции, но и самая наша литература была бы теперь чем-то таким, чего нельзя было

бы назвать литературую... Но что до всего этого означенным людям! Им надобно было во что бы ни стало доказать, что те, которые переделывают и даже поправляют Шекспира *для театра*, – совершенно правы, а те, которые усиливаются переводить его *для словесности* трудолюбиво и добросовестно, сохраняя смысл и дух подлинника, – *занимаются пустяками*, делают «дело, *противное логике, природе и физической возможности (!!!)*»^[18], – и вот они усиливаются поддержать свой парадокс всеми правдами и неправдами, приводят даже насильственно притянутые примеры из древних, забывая, что говорят такие вещи, которых доказать невозможно никакими примерами... Переводить поэтические произведения есть «дело, *противное логике, природе и физической возможности*», – как вам это покажется? Что же после этого бесмертный труд Гнедича – перевод «Илиады», которому поэт посвятил целую жизнь? – Да ничего! совершенные пустяки! «дело, *противное логике, природе и физической возможности!*»^[19] То же самое «Орлеанская дева» и другие переводы Жуковского из Шиллера... И все, что есть в нашей и в других литературах переведенного изящно, добросовестно и главное – верно, есть «дело, *противное логике, природе и физической возможности*». Само собою разумеется, что исключение остается, например, за «Гамлетом» г. Полевого, который потому и есть дело великой важности, что *не переведен, а переделан*, и переделан таким образом, что сам Шекспир благоговейно преклонился бы перед ним, не узнав в нем, об-

новленном и преисполненном красотами первостатейными, прежнего своего слабого произведения! А ведь находились люди, которые ставили в укор г. Полевому нецеремонное обращение с Шекспиром!^[20] К счастью, всякому ослеплению бывает конец. Истина долго блуждала меж нами незримая, но явились «умные люди», растолковали, в чем дело, и не ясно ли теперь, как день божий, что именно в том, что ставили упреком г. Полевому, – скрывается истинная его заслуга!.. Вот так-то может быть и частенько!.. Еще недавно опрометчиво осудили мы новый труд г. Полевого – «Иванушку-дурачка»^[21], а между тем, кто знает? – Быть может, этот «Иванушка-дурачок», переделанный из русской лубочной сказки, есть еще большая заслуга г. Полевого, чем «Гамлет», переделанный из драмы Шекспира?.. Мудрено нынче становится отличать заслуги от незаслуг в русской литературе!..

Нет нужды, кажется, говорить, что новый перевод «Гамлета», сделанный г. Кронебергом (а не Кроненбергом, как пишет рецензент «Библиотеки для чтения», несмотря на то, что фамилия переводчика на заглавной странице выставлена довольно четко), не понравится людям, о которых шла речь. Да и могло ли случиться иначе, если припомним, что в 1839 году в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»» были напечатаны две статьи о «Гамлете» г. Полевого, в которых ясно, обстоятельно, неопровержимо, с указаниями на самый текст, доказано, что реченный «Гамлет, *принц Датский*» выдан за шекспировского ради одной остроумной

шутки, а в самом деле сочинен самим г. Полевым. *Под статьями стояла подпись фамилии, которую читаем теперь на новом переводе «Гамлета».* (Первая из них принадлежала покойному профессору Харьковского университета Кронебергу, посвятившему всю жизнь на изучение Шекспира, вторая – сыну его, А. И. Кронебергу, нынешнему переводчику «Гамлета»^[22].) Еще менее удивимся мы нерасположению реченных людей к новому переводчику, если вспомним точку зрения, с которой смотрят они на переводы вообще. Ведь на что ни посмотри, как на *«дело, противное логике, природе и физической возможности»*, – покажутся такие чудеса, что и сказать страшно!..

А между тем перевод «Гамлета», сделанный г. Кронебергом, есть один из замечательнейших переводов на русском языке; для тех, которые гонятся не за одним только «сюжетцем», но желают уловить при чтении перевода великого произведения дух подлинника, труд г. Кронеберга будет очень интересным и даже совершенно новым явлением, несмотря на все бывшие у нас донныне переделки и переводы «Гамлета», из которых перевод г. Вронченка в своем роде так же хорош, как перевод г. Кронеберга в своем^[23]. Приводим несколько отрывков, из которых сами читатели могут увидеть достоинства труда г. Кронеберга. Вот начало четвертой сцены первого акта:

(Звук труб и пушечные выстрелы за сценой).

Что это значит, принц?

ГАМЛЕТ

Король всю ночь гуляет напролет,
Шумит и пьет и мчится в быстром вальсе,
Едва осушит он стакан рейнвейна,
Как слышен гром и пушек и литавр,
Гремящих в честь победы над вином.

ГОРАЦИО

Обычай это?

ГАМЛЕТ

Да, конечно.

И я к нему, как здешний уроженец,
Хоть и привык, однако же по мне
Забывать его гораздо благородней,
Чем сохранять. Похмелье и пирушки
Марают нас в понятии народов;
За них зовут нас Бахуса жрецами
И с нашим именем соединяют
Прозванье черное. Сказать по правде,
Всю славу дел великих и прекрасных
Смывает с нас вино. Таковую участь
Несет и частный человек; его,
Когда он очернен пятном природы,
Как, например: не в меру пылкой кровью,
Берущей верх над силою ума
(В чем и невинен он: его рождение

Есть случай без разумной воли),
Или привычкою, которая, как ржа,
Съедает блеск поступков благородных, —
Его, я говорю, людское мнение
Лишит достоинства; его осудят
За то, что в нем одно пятно порока,
Хоть будь оно клеймо слепой природы
И сам он будь так чист, как добродетель,
С безмерно благородною душой.
Пылинка зла уничтожает благо.

(Входит дух).

ГОРАЦИО

Смотрите, принц, – идет!

ГАМЛЕТ

Спасите нас, о неба серафимы!
Блаженный дух или проклятый демон,
Облекся ль ты в благоуханья неба
Иль в ада дым; со злом или с любовью
Приходишь ты, – твой образ так заманчив, —
Я говорю с тобой! Тебя зову я
Гамлетом, королем, отцом, монархом!
Не дай в незнании погибнуть мне!
Скажи: зачем твои святые кости
Расторгли саван свой? Зачем гробница,
Куда тебя мы с миром опустили,
Разверзла мраморный, тяжелый зев

И вновь извергнула тебя? Зачем
Ты, мертвый труп, в воинственном доспехе
Опять идешь в сиянии луны,
Во тьму ночей вселяя грозный ужас,
И нас, слепцов среди природы, мучишь
Для наших душ недостижимой мыслью?
Скажи, зачем? зачем? Что делать нам?

Вот начало монолога, произносимого Гамлетом по уходе актеров:

Не дивно ли: актер, при тени страсти,
При вымысле пустом, был в состоянье
Своим мечтам всю душу покорить;
Его лицо от силы их бледнеет,
В глазах слеза, дрожит и млеет голос,
В чертах лица отчаянье и ужас,
И весь состав его покорен мысли.
И все из ничего! Из-за Гекубы!
Что он Гекубе, что она ему,
Что плачет он об ней? О, если б он,
Как я, владел призывом к страсти,
Что б сделал он? Он потопил бы сцену
В своих слезах и страшными словами
Народный слух бы поразил; преступных
В безумство бы поверг, невинных в ужас,
Незнающих привел бы он в смятенье,
Исторг бы силу из очей и слуха!
А я – презренный, малодушный раб,

Я дела чужд, в мечтаниях бесплодных!
Боюсь за короля промолвить слово,
Над чьим венцом и жизнью драгоценной
Совершено проклятое злодейство!
Я трус? Кто назовет меня негодным?
Кто череп раскроит? Кто прикоснется
До моего лица? Кто скажет мне: ты лжешь?
Кто оскорбит меня рукой иль словом? —
А я обиду перенес бы. — Да!
Я голубь мужеством, во мне нет желчи,
И мне обида не горька; иначе
Уже давно раба гниющим трупом
Я воронов окрестных угостил бы. —
Кровавый сластолюбец! Лицемер!
Бесчувственный, продажный, подлый изверг!
Глупец, глупец! Куда как я отважен!
Сын милого, убитого отца,
На мщенье вызванный и небесами
И Таргаром, я расточаю сердце
В пустых словах, как красота за деньги!
Как женщина, весь изливаюсь в клятвах!
Нет, стыдно, стыдно! К делу, голова!

Приведем еще вторую половину из песни безумной Офелии. Многие знают эту песню наизусть из «Гамлета», *исправленного* г. Полевым, и расппевают, в полной уверенности, что поют слова Шекспира. Не худо им узнать, как она в самом деле поется у Шекспира:

Занялась уже денница,
Валентинов день настал.
Под окном стоит девица:
– Спишь ли, милый, или встал?

Он услышал, востепенулся,
Быстро двери отворил,
С нею в комнату вернулся,
Но не деву отпустил.

Пресвятая! как безбожно
Клятву верности забыть!
Ах! мужчине только можно
Полюбить и разлюбить!

– Ты хотел на мне жениться,
Говорит ему она.
– Позабыл! хоть побожиться;
В этом не моя вина!

Как переведены у г. Полевого последние два стиха второго куплета?.. Сличите, вспомните, и вы убедитесь, что вовсе не знают шекспировского «Гамлета» те, которые читали или видели на сцене только переделку г. Полевого, и что труд г. Кронеберга вовсе не лишний в нашей литературе, а, напротив, составляет в ней значительное приобретение. Кто-то с важностью вздумал упрекнуть г. Кронеберга за то, что

он не приложил к своему переводу предисловия, в котором, по его мнению, следовало бы изложить причины, побудившие г. Кронеберга приняться за перевод. Как будто г. Кронеберг не имел права переводить «Гамлета» просто потому, что ему хотелось переводить? Странны, право, люди, превращающие в шутку серьезные и важные вопросы, утверждающие, например, что переводить Шекспира есть «дело, противное логике, природе и физической возможности», – но еще более странны те, которые придают важность мелочам и с чувством собственного достоинства, как будто бы оскорбленного, рассуждают о том, что не стоит и одного слова!..

Комментарии

1.

См. примеч. 3 к статье «Русская литература в 1843 году».

2.

См. примеч. 1 к заметке «Русская драматическая литература».

3.

См. примеч. ко второй рецензии на «Героя нашего времени» Лермонтова («Литературная газета», март 1844 г.), наст. т., с. 737–738.

4.

Ср. примеч. 59 к статье «Русская литература в 1843 году».

5.

Намек на Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча с их «Северной пчелой», «Уважение», «неуважение» — слова из лексикона этих дельцов от литературы для выражения рекламной похвалы или, напротив, поношения по адресу других писателей.

6.

См. о вреде журнальной полемики для литературы, «распространения просвещения» и «развития вкуса в

публике» в цитате из романа Л. В. Бранта «Жизнь, как она есть» – наст. т., с. 447.

7.

Посполитое рушение (польск. *pospolite ruszenie* – народное ополчение). – Здесь также намек на Н. А. Полевого, который, характеризуя «Отечественные записки», писал: «Помилуйте, да это какое-то литературное посполитое рушение на русскую журналистику, что-то исполинское, диковинное!» («Сын отечества», 1839, т. VII, отд. IV, с. 45).

8.

«Мертвые души» как «произведение пошлое и бездарное» оценивали Булгарин в «Северной пчеле», Сенковский в «Библиотеке для чтения», Н. А. Полевой в «Русском вестнике».

9.

Имеется в виду обзорная статья «Русская литература в 1843 году» – см. наст. т., с. 20–21.

10.

Также намек на Булгарина и Греча, расхваливавших свои «труды» в «Северной пчеле».

11.

Так Белинский характеризовал перевод Н. А. Полевого впервые в рецензии на «Репертуар русского театра, издаваемый И. Песоцким. Третья книжка». См. наст. изд., т. 3, с. 379–381 и 576 (примеч. 2).

12.

Имеется в виду шедший на сцене Александрийского театра перевод «Короля Лира», сделанный актером В. А. Каратыгиным.

13.

Перевод «Макбета» М. П. Вронченко был издан в 1837 г. См. о нем в рецензии на «Гамлета» в переводе Н. А. Полевого (наст. изд., т. 2, с. 307). Высоко оценен был этот перевод в заметке «Журналистика» в «Литературной газете» 1840 г. (см. наст. изд., т. 3, с. 418).

14.

О переводах И. В. Росковшенко см. в заметке «Журналистика» (переводы «Ромео и Юлии» и отрывков из «Ричарда III») – наст. изд., т. 3, с. 418.

15.

Отрывок из «Гамлета» в переводе А. И. Кронеберга был напечатан в сб. «Молодик», изданном в Харькове в 1843 г. «Разбранил» его Н. А. Полевой (псевдоним: Z. Z.) в

«Северной пчеле», 1843, № 273.

16.

Цитата из анонимного водевиля «Сей и оный» (см.: А. И. Вольф. Хроника петербургских театров, ч. I. СПб., 1877, с. 77).

17.

Выше передано (с краткой цитатой) содержание рецензии О. И. Сенковского на перевод «Гамлета» А. Кронеберга («Библиотека для чтения», 1844, т. LXV, отд. VI, с. 33–37).

18.

Цитата из указанной рецензии Сенковского. Курсив и знаки восклицания в скобках принадлежат Белинскому. «Переводы пьес для сцены, – говорилось в той же рецензии, – дело кое-как понятное; оно объясняется любопытством толпы, потребностью эпохи... А г. Кронеберг переводит «Гамлета», как кажется, прямо для русской словесности, подделывается под великого поэта, желает быть переводным Шекспиром, хочет украсить русский язык слепком с знаменитой поэмы» (с. 36). К «переводам для театра» Сенковским отнесен и перевод Н. А. Полевого.

19.

Белинский имеет в виду также отношение Сенковского к

переводу «Илиады» Н. И. Гнедича. Ср.: «Бедный Гнедич убил всю жизнь свою на усердное коверканье «Илиады» во всех возможных отношениях» («Библиотека для чтения», 1841, т. XLV, отд. VI, с. 37). Ср. слова Белинского о Гнедиче как «бессмертном переводчике «Илиады» (наст. изд., т. 3, с. 11); также в статье «Русская литература в 1841 году»: Гнедич «у нас доселе не понят и не оценен, по недостатку в нашем обществе ученого образования. Перевод «Илиады» – эпоха в нашей литературе, и придет время, когда «Илиада» Гнедича будет настольного книгою всякого образованного человека» (наст. изд., т. 4, с. 305).

20.

Речь идет о критике перевода «Гамлета» П. А. Полевого со стороны И. Я. и А. И. Кронебергов. См. об этом в рецензии на перевод А. Кронеберга из «Отечественных записок» – наст. т., с. 461

21.

См. рецензию на «Старинную сказку об Иванушке-дурачке».

22.

Статья А. И. Кронеберга была напечатана не в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», а в «Литературной газете», 1840, № 49–50.

23.

См. более подробную характеристику перевода М. П. Вронченко в первой рецензии на перевод А. Кронеберга – наст. т., с. 462–463.

24.

Статья харьковского профессора И. Я. Кронеберга «О ходе искусства у древних народов и об истреблении и сохранении памятников древнего искусства» – в кн. 4 «Отечественных записок» за 1844 г.